

Александр Мелихов

Идеологии особого пути – оборонительные и наступательные

Ideologie szczególnej drogi – obronne i ofensywne

Чтобы жить в относительном мире с собой, и человек, и народ должны считать свое прошлое, свою историю нормальной, не хуже прочих. Но если в прошлом какие-то события ему открывают или истолковывают как исключительно, ненормально уродливые, он может примириться с ними, только объявив себя каким-то особенным, к кому неприменимы общепринятые критерии. Именно так в российском обществе возродились всевозможные теории об особом историческом пути русского народа.

Наши либеральные гувернеры, однако, считают всякие разговоры об особом пути России первым шагом к изоляции и агрессивному национализму, если не к полному нацизму. В пионерском лагере это было тоже самое страшное обвинение: ты что, особенный?! Но если бы этот вопрос услышала наша мама, она бы несомненно ответила: конечно, особенный! Те, кого мы любим, всегда особенные, ординарны и взаимозаменяемы только те, к кому мы равнодушны.

Каждый человек и каждый народ может любить только тех, кто поддерживает в нем естественное для всякого живого существа чувство собственной уникальности. Зато когда нас оценивают по какому-то чужому критерию да еще и выставляют не слишком высокую оценку, – тогда-то нам и хочется отвергнуть и оценщиков, и самое их шкалу. Но, поскольку глобализация все большее число стран и народов выстраивает по единому ранжиру, а высокие места в любом состязании достаются лишь немногим, то проигравшим поневоле приходится искать утешения в идеологиях особого исторического пути – их расцвет есть реакция на унификацию. И правительства, которые откажутся идти навстречу этой реакции, будут утрачивать популярность, уступая дорогу более услужливым.

Таким вот образом эта могучая психологическая потребность столь многих (в сущности, большинства) народов неизбежно найдет удовлетворение в разного рода идеологиях «особого пути» – только одни из них будут оборонительными, а другие наступательными. Оборонительными я называю те, которые декларируют отказ от приза, за который ведется борьба, а насту-

пательными те, которые призывают насильственно захватить этот приз или, по крайней мере, максимально отравить торжество победителей. Уничтожить этот механизм психологической компенсации никому не под силу – попытки его высмеять, изобразить архаической нелепостью могут разве что превратить оборонительные идеологии в агрессивные (направленные в том числе и на своих разоблачителей).

На мой взгляд, гораздо более целесообразно не бороться с неодолимым стремлением (готовность соответствовать каким-то стандартам может быть проявлена только теми, кто этим стандартам уже соответствует либо находится в двух шагах от этого), а использовать его в разумных целях. Преимущества и соблазны модернизации по европейскому образцу настолько наглядны и огромны, что декларируемые отказы от нее суть, как правило, декларации лисицы, отказывающейся от недоступного винограда. Идеологии особого пути на первых порах чаще всего возникают не как оправдание агрессии, а как утешение в неудачах. И человек, и народ, когда их настигает поражение, говорят себе: «А я и не хотел». И здесь не нужно разоблачать их, повторяя как можно чаще: «Нет, ты хотел, да только у тебя не вышло. Так что не важничай, а учись у более умных и умелых, у более цивилизованных». Если даже это правда (а правдой это бывает разве лишь наполовину, ибо любой успех наполовину определяется удачей), все равно она будет воспринята как соль на раны и лишь удвоит и без того всегда присутствующую неприязнь проигравших к победителям и даже к самой их *цивилизованности*. И уж тем более к их внутренним сторонникам.

Поэтому правительству, желающему осуществить ненасильственную модернизацию, разумнее отводить нарастающую агрессию временными уловками в том духе, что мы-же сами отказались от упущенного приза, потому что это несвоевременно, слишком дорого, противоречит нашим нравственным принципам, традициям и т.д., и т.д., и т.д.; но мы спокойно все получим, двигаясь собственным особым путем – в свое время, без надрывов, без утраты самобытности, – все эти припевы давно известны. Нужно только не попадать в сети собственной пропаганды, а собирать силы для новой попытки, которую тоже нужно изображать как собственный, никем не вынужденный и никому не подражающий путь развития.

Разумеется, это дело тонкое, утешения и стимулы правящие должны дозировать очень осторожно и быть всегда готовыми что-то прибавить, а что-то убавить в зависимости от реакции управляемых – при неизбежно сохраняющемся риске внезапного выброса фундаментализма, агрессивной версии идеологии особого пути. Но полный отказ считаться с потребностью людей в мягком варианте такой идеологии обеспечивает ее жесткие выбросы со стопроцентной гарантией. Поэтому предлагаю задуматься, может ли обладать какая-то идеология особого пути модернизационным потенциалом? И как она может быть сконструирована, если такой потенциал имеется?

Модернизация Кавказа – эта тема с большим увлечением обсуждалась на организованном Ингушским государственным университетом конференции, в которой, кроме кавказских историков и социологов, приняли участие представители давно прорубившего окно в Европу Петербурга и активно модернизирующегося Казахстана. И разговор не мог не зайти о раз за разом повторяющейся и все-таки каждый раз неожиданной истории: то один, то другой народ семимильными шагами нагоняет Европу – и ни с того, ни с сего вдруг поворачивает обратно, к каким-то полузабытым, а то и вовсе выдуманным архаическим (если не варварским) обычаям, институтам, персонажам...

Когда девушки в секулярном Казахстане начинают носить мусульманские платки, а юноши в либеральном Петербурге майки с надписью «СССР», это можно принять за молодежный выпендредж; когда успешно модернизирующийся Иран взрывает исламская революция, это можно объяснить бедностью и малой образованностью; но вот когда в Российской империи на рубеже веков европейски образованные и индивидуально успешные представители народа, считающегося предельно рациональным, воспаляются грезой о восстановлении собственного государства, утраченного двадцать веков назад – я имею в виду светский сионизм, – тут поневоле задумаешься: а нет ли общей причины в этом регулярном возрождении архаики?

Есть. Народы лихорадочно хватаются за отмирающие элементы своих национальных культур, чувствуя, что вот-вот останутся без крыши над головой. Ибо национальная культура – это система коллективных фантазий, заслоняющая от наших глаз унизительную жестокость жизни, подобно тому как крыша дома скрывает от наших глаз черную бездну космоса. Естественно, любой народ в такой ситуации будет держаться за каждую черепицу и каждый лист жести с исчезающей крыши и станет, мягко говоря, относиться без симпатии к вольным или невольным разрушителям этой крыши – его экзистенциальной защиты.

Либеральные идеологи не раз дивились, почему народ не желает простить либеральным реформаторам таких лишений, которые можно считать разве что мелкими неприятностями в сравнении с теми страданиями, какие он претерпевал со стороны модернизаторов авторитарных, вроде Петра Великого или Сталина, которым, однако, прощается если не все, то очень многое. Ответ обычно дается самоутешительный: азиатчина, варвары, дикое скопище пьяниц, страна рабов, страна господ...

Однако, к счастью и к несчастью, никакие нации рабов невозможны. Люди всегда испытывают неприязнь к тем, кому вынуждены подчиняться не по своей воле, и всегда ощущают тайную или явную ненависть ко всякому, кто внушает им страх. Люди почитают и охотно повинуются тирану лишь до тех пор, пока видят в нем орудие своих целей. И если какой-то тиран – особенно если не за их счет, а тем более в прошлом – наворотил целую гору

подвигов вперемешку с горой ужасов, потомки стараются закрывать глаза на ужасы, ибо воспоминания о подвигах предков укрепляют их экзистенциальную защиту – ослабляют ощущение собственной ничтожности, а именно оно есть главный губитель человеческого счастья.

Модернизаторы же, которые не поддерживают в народе абсолютно необходимое ощущение собственной исключительности и красоты, но всего лишь предлагают ему уподобиться некоей норме, сделаться в лучшем случае двенадцатым в дюжине, – они экзистенциальную защиту разрушают. Ибо представление о собственной дюжинности разрушительно как для личности, так и, в неизмеримо большей степени, для народа. За какие же коврижки народ станет прощать хоть малейшие неудобства планировщикам, которые, перестраивая дом, оставят хозяев без крыши над головой? Пускай страдания не столь уж невыносимы, но зато они вовсе не имеют высокого оправдания, не создают ощущения собственной красоты и значительности. Лишения, вызываемые либеральными преобразованиями, могут быть оправданы только в том случае, если они будут сопровождаться укреплением национальной экзистенциальной крыши.

Один из наиболее эффективных способов ее ремонта – терапия успехами. Хотя бы небольшими. Хотя бы воображаемыми. Хотя бы не собственными, а успехами тех, с кем униженный и оскорбленный эмоционально себя отождествляет – вплоть до любимой футбольной команды. Или, тем более, успехами его страны, эмоциональное слияние с которой являет собою главный слой его экзистенциальной защиты. Но какую красоту и значительность может подарить греза о «нормальности», то есть ординарности? Именно в кризисные эпохи государству необходимо сосредоточивать силы на пускай штучных, но выдающихся достижениях, на всякого рода рекордах – в науке, в искусстве, в технике, в спорте...

Однако такие рекорды не всем по плечу, а главное, их может оказаться недостаточно, если традиционные ценности очень уж далеко отстоят от ценностей модернизируемого общества. Особенно трудно приходится тем народам, чья историческая судьба была веками связана с войной: ценности воина, требующие презирать смерть и уют, почти несовместимы с ценностями строителя, требующими гуманности, умеренности и аккуратности. Если вчера считались высшей доблестью храбрость и щедрость, как шагнуть в новый мир, культивирующий трудовую дисциплину и бережливость? Пионеры модернизации, обладающие этими буржуазными добродетелями, будут отвергаемы традиционным миром: дисциплинированный работник будет окрещен подхалимом, бережливый хозяин скупердям, предприимчивый бизнесмен проходимцем.

И здесь, в переходный период на помощь может прийти **аристократическая модернизация**. А именно: «передовой», наиболее модернизированный слой не только не утрачивает архаических доблестей, в сущности не так

уж необходимых или даже вредных для «новой жизни», но, напротив, концентрирует их в себе с особой силой, подобно тому как европейски образованная аристократия пушкинской поры с особой остротой культивировала физическую храбрость и готовность драться на дуэли из-за пустяковых на наш взгляд поводов. Люди, закладываявшие основы России как великой литературной державы, считали делом чести не уступать каким-нибудь гусарам даже и в бретерстве, казалось бы, совершенно излишнем для литературного труда. Два величайших поэта, Пушкин и Лермонтов, отдали жизнь в схватке с ничтожествами, Толстой был в шаге от дуэли с Тургеневым, великий драматург Грибоедов стрелялся с прославленным уж никак не литературными или дипломатическими подвигами Якубовичем...

Разумеется, в какой-то степени это было вынужденным, но вынужденным чем? Все тем же культом храбрости! Пушкин после встречи с гробом Грибоедова вспоминал о недооцененности его поэтического таланта, его государственных дарований и, самое обидное, даже его холодная и блестящая храбрость была в подозрении – все в одном ряду! (Нам, рассуждая о непризнанности Платонова или Булгакова, и в голову не придет размышлять, как бы они вели себя под пулями).

Кого в Европе можно поставить рядом с этими русскими европейцами? Зачем им было нужно это мальчишество? Этим мальчишеством они защищали собственную экзистенциальную крышу, красоту собственного облика в соответствии с умирающими критериями. Утрированный культ Марса, Вакха и Венеры крышевал их измену заветам отцов. А вот их детям, родившимся уже под новой крышей, эта гиперболизация уходящих представлений о достоинстве более не требовалось – отсюда и сетование старых гусар на то, что молодежь измелчала: «Жомини да Жомини! А об водке – ни полслова». Этот конфликт отцов и детей отражен и в толстовских «Двух гусарах». Но при этом не надо забывать, что после наполеоновских войн русское офицерство было охвачено сильнейшим порывом к просвещению: все общества, в которых обсуждались проблемы модернизации, трудно даже перечислить.

Я думаю, довольно многим народам тоже пришлось бы впору аристократическая модернизация. Если модернизирующий слой станет культивировать в себе исторические доблести (двигаясь при этом вперед, а не назад), это психологически защитит и самих модернизаторов и, что еще важнее, сделает их личности, а значит и их миссию привлекательной для масс.

Итак, особых путей модернизации должно быть, минимум, столько, сколько имеется систем экзистенциальной защиты (общая система экзистенциальной защиты, признание совместной избранности и объединяет культуры в цивилизации). Ибо у каждого народа есть собственная романтизированная история, собственные культурные образцы – собственные герои и святые, предания о которых чаще всего просто несовместимы с современ-

ными представлениями о гуманности и рациональности. Для того чтобы примирить эти непримиримости, требуется прежде всего время и новые предания о новых героях и святых. И какой же должна быть экзистенциальная крыша для самой России? Ее базовая формула, мне кажется, может звучать примерно так: мы творим историю. Вместе с другими великими державами.

Здесь несомненно открывается масса роскошных возможностей осмеять желание народа не выходить из-под привычной крыши хотя бы одним прыжком: да разведе у великой державы бывают такие сортиры, такие пенсии, такая коррупция – перечень наших слабостей и пороков можно длить бесконечно. И я даже не собираюсь возражать, что признаком великодержавности являются не пенсии и не сортиры, а возможность оказывать существенное влияние на ход исторических событий – неизмеримо важнее то, что попытки лишить народ экзистенциальной защиты хотя бы и путем ее осмеяния вызовут (и уже вызывают) такую ненависть к обновлениям, что это может отбросить страну с особого пути модернизации к стандартному пути архаизации.

А между тем, в одном очень важном отношении Россия чуть ли не два века действительно шла особым историческим путем, достигнув впечатляющих результатов благодаря тому, что творческое меньшинство в ней оказывалось освобожденным и от труда, и от торговли. Этим творческим меньшинством оказывалось то дворянство, то научная интеллигенция, но результат каждый раз оказывался выдающимся.

Уже давно сделалась пошлостью констатация той очевидности, что в России всегда жестко, а то и до нелепости жестоко подавлялась политическая свобода. Однако очень редко или даже никогда не обращают внимания на то, что в России постоянно возникали *свободные зоны*. Зоны, свободные от корысти и заботы о бренном. Зоны, почти невозможные в более демократических странах, где требуется не только трудиться, но и обращать в товар продукты своего труда: недаром Пушкин не желал зависеть ни от царя, ни от народа.

На таких-то островках свободы и рождалась величайшая литература, великая музыка, великолепная наука, позволявшая ученым утолять собственное любопытство за государственный счет. И как раз эти-то островки постаралась уничтожить революция лакеев и лавочников под знаменем рационалистического либерализма – якобы, опятьтаки, последнего слова европейской цивилизации. Того самого рационалистического либерализма, против которого давно пора возвысить знамя либерализма романтического, отстаивающего для творческой личности принцип «не продается вдохновенье». А служит красоте и величию человеческого образа. Творит бессмертные дела.

Гарантии свободы для служения не брэнному, но бессмертному, идеология романтического либерализма хотя бы для узкого круга – это и есть особый исторический путь России. Разумеется, аристократии духа тоже необходима красивая историческая родословная, и вроде бы именно для этого и создана комиссия по противодействию фальсификации истории – чтобы бороться с попытками принизить образ России. Но стремление каждого народа иметь возвышенный образ самого себя настолько огромно, что попытка любой комиссии ограждать его репутацию напоминает попытку воробья опекать орла. Если бы кто-то начал изо дня в день оплевывать все исторические национальные святыни, этим он только укреплял гиперромантическое движение, которое вообще объявило бы историю России абсолютно безупречной и неприкосновенной. Радикальный национализм в основном и порождается попытками преодолеть национализм нормальный, подобно тому как организм реагирует повышенной температурой на введение инородного тела.

Нужно понимать: всегда будут существовать две истории – история научная и история воодушевляющая, священная книга народов, как выразился первый русский историк Карамзин. И эта книга вовсе не обязана прятать страшную правду, она должна лишь изображать родословную народа не жалкой и мерзкой, но трагически величественной.

Иную историю ни один народ не примет.